

УДК 1(091)

«ОЧЕРК СИВИЛЛЫ О БРАКЕ» И. Г. ГАМАНА: ТЕКСТ И КОММЕНТАРИЙ

А. М. Стрельцов

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
streltsov@mail.ru

Аннотация. В «Очерке Сивиллы о браке» (Versuch einer Sibylle über die Ehe) 1775 г. И. Г. Гамана, перевод и краткий комментарий которого представлены в данной работе, рассматривается строго бинарное понимание человеческой сексуальности, неразрывно связанной по мысли Гамана с божественным творением и христологией и проявляющейся в сотрудничестве человека с Богом в деле творения новых людей. Гаман отказывается от конвенциональной для эпохи Просвещения интерпретации брака как общественного договора и обращает особое внимание на его физический аспект. Придерживаясь теологическо-философской позиции, воспринятой им еще в начале его творческой карьеры, Гаман не считает половое влечение постыдным или греховным, но рассматривает союз мужчины и женщины в рамках разработанной им ранее сократической эпистемологии самопознания, как приводящий к реализации человеком собственной сексуальности в акте познания другим.

Ключевые слова: Гаман, Сивилла, сексуальность, эпистемология, гендер.

Для цитирования: Стрельцов, А. М. (2024). «Очерк Сивиллы о браке» И. Г. Гамана: текст и комментарий. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 4. С. 52-64. DOI: 10.47850/RL.2024.5.4.52-64

“ESSAY OF A SIBYL ON MARRIAGE” BY J. GAMANN: TEXT AND COMMENTARY

A. M. Streltsov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
streltsov@mail.ru

Abstract. In a 1775 “Essay of Sybil on Marriage” (Versuch einer Sibylle über die Ehe), translation and succinct commentary of which is presented in a current paper, J. G. Hamann holds to strictly binary approach to human sexuality. According to Hamann, sexuality is connected to the doctrines of divine creation and Christology, and as such it transpires by means of man’s coworking with God in the matter of creating new people through the marital embrace. In this sense Hamann discards conventional Enlightenment interpretation of marriage as a social contract and rather places an emphasis on its physicality in view of his Incarnational theology. Holding to a theological-philosophical position that he adopted early in his literary career, Hamann does not consider sexual desire to be shameful or sinful but rather views the union of a man and a woman in terms of his previously developed Socratic epistemology of self-knowledge, which results in realization of one’s own sexuality in the act of being known by another.

Keywords: Hamann, Sybil, Socrates, sexuality, epistemology, gender.

For citation: Streltsov, A. M. (2024). “Essay of a Sibyl on Marriage” by J. G. Hamann: Text and Commentary. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 4. Pp. 52-64. DOI: 10.47850/RL.2024.5.4.52-64

Небольшая работа кенигсбергского литератора второй половины XVIII в. Иоганна Георга Гамана (1730–1788) под названием «Очерк Сивиллы о браке» в ставшем уже классическом издании его сочинений середины XX столетия фигурирует в рубрике

«Мистерии» [Hamann, 1951 a]. Отчасти это связано с более эзотерическим характером сочинений этого раздела, отчасти с тем, что издатель Гамана Йозеф Надлер интерпретировал Гамана, в том числе в использовании им сивиллической темы, в гностическом ключе [Nadler, 1949, p. 249]. В настоящее время прочтение Гамана как гностика в основном не пользуется поддержкой исследователей [Alexander, 1979, pp. 85-86; Dickson, 1995, p. 258]. В очерке Гаман обращается от имени мистической Сивиллы как женщины, повествующей об открытии своей сексуальности в союзе с мужчиной. Загадочность изложения вполне соответствует общему стилю Гамана, для которого (за исключением лондонских трудов раннего периода, не предназначенных для широкой публики) характерна завуалированность, намеренная шифровка текста, чтобы скрыть действительный контент за эпатажной либо тривиальной оболочкой (*sub contrario*). Читателю нужно было затратить значительное усилие, чтобы понять то, что Гаман действительно хотел сказать: правомерность такого подхода со своей стороны Гаман обосновал еще в дебютной работе «Сократические достопамятности» 1759 г. При этом если Гаман говорил о сексуальности, он не имел в виду какие-то более высокие материи, аллегорически изложенные языком мифа, как это было, например, в случае гностиков-карпократов; он имел в виду именно сексуальность. В конце концов, Гердеру Гаман писал, что «скорее стремился познать и различить *inferna* торса, чем *superna* бюста» [Hamann, 1956, p. 415]. Надлер в своей монографии о нем высказывает соображение, что «сексуальный язык (*die Sprache des Geschlechts*) был техническим языком его философии» [Nadler, 1949, p. 246].

Написание трактата, как в случае практически всех других опусов Гамана, было обусловлено конкретными обстоятельствами. По форме это произведение – наставление или речь, своего рода проповедь, обращенная к новобрачным. Женился его приятель И. Ф. Харткнох – рижский издатель трудов Канта, Гердера и самого Гамана. 4 декабря Гаман в очередной раз пишет Харткноху, отмечает, что очерк почти готов, характеризуя его как «маленький кульминационный монумент моего 45-летия» [Hamann, 1957, p. 128]. Прекрасно понимая интимный и неоднозначный характер сочинения, Гаман предупреждает Харткноха: «Сможете ли Вы напечатать его без ущемления совести, насчет этого я ожидаю вашего искреннего признания, но сообщаю заранее, что все дело в том, что оно должно стать скандалом для нашего морального века. И если оно сможет оказать такое воздействие, то значит я достиг своей цели» [Ibid.].

Можно ли рассматривать в описании Гаманом брачных отношений аллюзию на его личную жизнь? По возвращении в 1758 г. из провальной для него в деловом отношении поездки в Лондон молодой Гаман, тогда полностью банкрот, осмелился просить руки и сердца Катарины Беренс (1727–1805) у ее брата Кристофа Беренса, рижского коммерсанта и владельца семейной компании, его бывшего университетского друга и тогдашнего работодателя [Hamann, 1993, pp. 434-435]. Беренс ответил ему решительным отказом, потому что его социальное положение и особенности его характера и мировоззрения не позволяли считать его сколько-нибудь хорошей партией. Однако, любовь к Катарине Гаман пронес через всю жизнь, и она навсегда осталась дамой его сердца. Так, за год до составления очерка Сивиллы Гаман пишет Ф. К. фон Мозеру: «Слух о моем обновлении дойдет до границ Европы и ушей моей злой Катин, которая не перестала быть еще Аспазией, Ментенон и Севиньи моей души. Разве она не первая и единственная девушка в мире, у которой было

достаточно сердца, чтобы любить Волхва и надеяться на одно из самых богатых наследств? Да, только она заслуживает быть матерью моих дорогих, дорогих непослушных детей» [Hamann, 1957, p. 69].

С другой стороны, Гаман реализовал собственную сексуальность в отношениях со служанкой своего отца, простой крестьянской девушкой Анной Региной Шумахер (1736-1789), с которой он прожил всю жизнь в «браке по совести» и которая родила ему четверых детей. Гаман признавался в письме к Гердеру, что заключение официального брака с ней могло бы сделать ее несчастной, а возможно, и детей тоже [Hamann, 1957, p. 263].

Подразумевает ли Гаман в этом очерке Катарину Беренс (такова позиция комментатора классической «разъяснительной» серии гамановских текстов Э. Я. Шунхофена [Hamann, 1962, pp. 239-240]), Анну Регину Шумахер [Dickson, 1995, pp. 248-250; Гильманов, 2003, с. 379], либо же никого из них конкретно [Baue, 1988, p. 205]? Я склоняюсь к третьей точке зрения. Гаман, обращаясь к новобрачным Иоганну Фридриху Харткноху и Альбертине Туссан, ставит целью укрепить их союз, попутно выразив свое понимание телесности и сексуальности. Он пишет не догматический или этический трактат о браке общего характера, не составляет автобиографию, но обращается к конкретным людям.

При этом практически все свои сочинения Гаман составляет как полемику, отклик на внешние раздражители. Так и в этом очерке о браке по своему обыкновению Гаман развивает собственную позицию на контрасте с конвенциональными взглядами его времени, вступает в мировоззренческий конфликт с политико-философской и социокультурной парадигмой эпохи. Поэтому для понимания трактата крайне важно знать, что именно у него на уме во время его написания, какие тексты он имеет в виду, против чего выступает. По счастью, в этот раз Гаман не оставляет читателя без указаний на свои источники.

Во-первых, это принятый тогда же Фридрихом Великим закон о браке (Codex iuris Fridericiani), который, несмотря на более щадящий в этом отношении режим в Пруссии по сравнению с другими европейскими странами, доставлял определенные неудобства Гаману с его «браком по совести»: «Человеконенавистнический дух нашего века сильнее всего проявляется в законах насчет брака».

Во-вторых, это выпущенное анонимно под тем же названием сочинение о браке (Über die Ehe, 1774) Теодора Готлиба фон Гиппеля, ставшего впоследствии бургомистром Кенигсберга. В этом очерке Гиппель, сам, кстати, так и не заведший семью, рассматривает брак как общественный договор и бремя (Last) и призывает к эмансипации женщин.

В-третьих, «Очерк о женщине» (An Essay on Woman) Джона Уилкса, размещенный в 45-м номере издаваемого им анонимно еженедельника «Северный британец» (The North Briton). Эта нарушающая мораль поэма представляла собой пародию на «Очерк о человеке (Essay on Man) Александра Попа. В начале 1764 г. Уилкс был за этот трактат изгнан из английского Парламента, посчитавшего поэму непристойной и богохульной.

В-четвертых, Гаман выступает против сантиментов противоположного лагеря, а именно кенигсбергских пиетистов, которые создали, а точнее восприняли от Николая Людвиг фон Цинцендорфа и Моравских братьев своеобразную сексуальную этику, в рамках которой жена во время интимной близости со своим мужем могла рассматривать его только как доверенное лицо Христа и таким образом направлять свои чувства не к мужу, но только (в сублимированном виде) к Христу как Господу общины. В более общем смысле здесь

подразумевается любой отход от вложенной в человека сексуальности, «одухотворение» как попытка замещения природного влечения к противоположному полу на религиозную экзальтацию. Мистики разных эпох нередко использовали «сексуально нагруженный» язык для того, чтобы передать посредством его исключительно спиритуалистические реалии.

Дальнейшие комментарии по тексту трактата представлены в Примечаниях. Постраничные сноски – текст самого Гамана (Гаман собственноручно приписал эти ссылки в пилотном издании очерка [Hamann, 1775]). В Примечаниях помимо разъяснения отдельных моментов для понимания контекста я делаю упор на философскую составляющую предлагаемого текста.

ОЧЕРК СИВИЛЛЫ О БРАКЕ

Прихожу к тебе как дух,
Так что не бойся меня¹.

– – Primo auolso non defuit alter

Aureus, & simili frondescit virga metallo

Ergo alte vestige oculis & rite repertum

Carpe^{II} manu -----^{III}

Не закрывайте уши, блаженные новобрачные! Разверзните слух для волшебства гармонии¹, чтобы слышать голос Сивиллы, которая может прекрасно предсказывать будущее^{IV}. Да будет мое обучение чудесно как любовь и сокровенно как брак!

Вижу в ваших нежных, интимных взглядах маленького задумчивого бога любви, который держал с собой совет насчет шедевра своего дела, в котором он выполняет все проекты, завоевания и слепые авантюры, и который сводится к этому: Да сотворим человека, образ, который нам подобен^V.

Мир мелочей, которые, однако, не таковы в глазах влюбленных, всегда является их достоянием заранее, еще до того, как приходит к осуществлению эта божественная импровизация, которая удается лишь немногим, как и первая исконная попытка такого рода^{VI}.

Человек – прежде всего Бог земли, благодаря своему призванию быть творцом, хранителем и постоянно приумножающимся *semper-Augustus*^{VII} своего рода. Верно, что это божество вложено в полностью видимое хозяйство^{VIII}, и от начала проговорено развитие благословения; тем не менее ни один из братьев наших меньших не сотворен для сознательного и добровольного решения или соглашения и общественного договора: точно так же, как никто не способен к большему обучению и не нуждается в нем больше, чем человек^{IX}.

Откуда же нам стыдно за то² равенство Богу как за воровство или грабеж^X? Разве этот стыд не является тайным позорным клеймом нашей природы и в то же время молчаливым укором ее величественного, единомудрого и высокохвального Творца? –

¹ Пс. 58:56 [скорее всего ссылка на Пс. 57:5 – А.С.].

² Фил. 2:6.

Это не врожденный всеобщий инстинкт, как видно на примере детей, дикарей и кинической школы^{XI}, но унаследованный обычай, и все обычаи и манеры – важные знаки и метки для сохранения задокументированных событий и распространения общепринятых мнений.

Таким образом, брак – это союз, заключенный по доброй воле и основанный на разуме и верности. Поэтому благоразумно и честно «по настоящей нужде»³ даже не думать о таком волеизъявлении и союзе^{XII}. Менее всего это стоит того в государстве, где кодекс – золотой колосс⁴ шестидесяти локтей в высоту и шести локтей в ширину, причем *sanctio* всех законов – печь огненная, раскаленная в семь раз сильнее для подлинных душ, в которых нет лукавства⁵.

Поскольку брачное состояние есть драгоценное основание и краеугольный камень всего общества, то человеконенавистнический дух нашего века сильнее всего проявляется в законах насчет брака⁶ XIII. Но если законодатель проявил милосердие⁷ к упорству человеческого сердца, отдавая предпочтение публичным грехам и порокам, то высшая справедливость со стороны судьи – предать осквернителей его величия парафизическому^{XIV} злоупотреблению собственным телом⁸.

Разумеется, не было бы! для человеческого рода и гражданского общества ничего благотворнее стремления к тому идеалу святости брачного уклада, который великий исполнитель закона Моисеева и пророков восстановил и проповедовал как царский закон неба и новой земли на той горе блаженств: «Всякий, кто смотрит на женщину⁹ с вожделением, и кто разводится с женою своею, и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует», – Моисей даже «заповедал побивать таких камнями»¹⁰, и его закон не мог быть нарушен подобно устройству нашей современной морали с ее суетными проповедниками, но должен был быть исполнен как вернейшее пророческое слово¹¹. –

«Тайна сия велика^{12!} – Муж есть образ и слава Божия, а жена есть слава мужа» – это означает: муж соотносится с Богом, как жена с мужем, и где эти трое – одно, «женщина спасется через чадородие¹³, а муж – спаситель тела»^{XV}.

Таким образом, все мистерии Гименей^{XVI} – это темные сны¹⁴, относящиеся к тому глубокому сну^{XVII}, в котором первая женщина пришла в мир, как красноречивый образ матери всех живущих.

³ 1 Кор. 7:26.

⁴ Дан. 3:1, 19.

⁵ Ин. 1:47.

⁶ *Fecunda culpa secula nuptias
Primum inquinavere, et genus et domos:
Nos fonte derivata clades
In patriam populumque fluxit.* (Hor. III. Od. 6.)

⁷ Мф. 19:7.

⁸ Рим. 1:26; Фес 1:26.

⁹ Мф. 5:28, 32.

¹⁰ Ин. 8:5, 10:34-35; Мф 5:17.

¹¹ 2 Пет. 1:19.

¹² Еф. 5:32; 1 Кор 11:7.

¹³ 1 Тим. 2:15; Еф. 5:23.

¹⁴ *ως μη μεδ' ημεραν τα μυστικα της φυσεως εκτελεισθαι οργια.* Clem. Alex. Paedag. II. P. 194.

Но мой очерк не должен подражать тем, которые тот северный британец¹⁵ с призрачным числом¹⁶ XVIII написал о моем поле, и забавный ученый филин своего отечества¹⁷ XIX написал о моей теме. Я так же мало посвященная весталка, как мне нравится быть ведьмой Баубо¹⁸ XX, ни à la Grécourt^{XXI}, ни à l'enseigne de Barby^{XXII}. –

Что все плодородие груди и лона вашей матери всего сущего¹⁹, о души, рожденные и проклятые на наслаждение ее плодами и ее прахом! Что есть пустое удовольствие²⁰ ваших вкусов и громкое почесывание вашего остроумия? – Завуалированная печаль и отчаяние²¹, и все ваши заявки становятся добычей черного, богатого бога ада, как повествует остроумная басня Цереры и ее дочери^{XXIII}.

Возможно, вам так же стоит послушать, блаженные новобрачные! короткую мифическую сказку о моем собственном случае и о том, как я обязана тайной мудростью сивиллы одному из тысячи, обладающему голубиной простотой и змеиной мудростью. Его первая уловка заключалась в том, чтобы выставить себя отвратительным в моих глазах, и в этом он преуспел так хорошо, что вскоре он и весь его пол показались мне презренными и отвратительными^{XXIV}.

Но как я была наказана за свое неблагодарное тщеславие и дерзкое заносчивое ликование от того, что за счет моего соблазнителя стала развитой не по годам, по мере того как зеркало его искренности нашло отражение в моем собственном сердце, и в нем я начала познавать полушарие своего пола *in naturalibus*^{XXV}. Посредством этого огненного луча самопознания все красивые эпитеты стали черны как уголь и погасли, словно впитавшиеся в ночь цвета. – Убежденный, что разумное животное, по аналогии со всем животным царством, не должно забывать по праву носить грубую сторону своей шкуры, я теперь принимала всех добропорядочных, томящихся, очарованных воздыхателей за оборотней, пресмыкающихся противников и духовных чудовищ, которые на кончике языка держат молоко и мед, а в сокровищницах²² сердца – яд и желчь.

Эта катастрофа всего моего способа мышления стала основанием симпатии, которая быстро поднялась к тождеству со своим объектом. Вся сила мужской души, казалось, перешла в мою; тем временем, посредством ответного действия моей страсти душа его, казалось, дышала только по-детски наивным и женственным сладострастием^{XXVI}.

Мертвая и бесплодная благопристойность, лицемерные фарисеи нашего века! Ваши моральные и обывательские предрассудки и высокие вкусы или финтифлюшки их заслуг есть не что иное, как икра Левиафана^{XXVII}, господствующего в воздухе²³ на вершине волн, а краска стыда вашей девственности, о прелестные духи! – галликанский макияж, мел и желток из насекомых, но не благородный врожденный румянец здоровой плоти и крови, данной и оживотворенной небесами.

¹⁵ Уилкс.

¹⁶ 45.

¹⁷ «О браке».

¹⁸ Ouid. Metam. – vertit Baubo artes et quem serio non quibat allicere, ludibriorum statuit exhilarare miraculis – publi affigit oculos Diua et inauditi specie solaminis pascitur. Arnobius adu. Gentes Lib. V. Pp. 174-175.

¹⁹ Horat. Lib I. Ep. 2.

²⁰ Еккл. 2:2.

²¹ Ин. 16:20-22; 2 Кор 7:10; Лк. 6:25; 2 Пет. 1:16.

²² Мф. 12:35.

²³ Еф. 2:2.

Без жертвоприношения невинности драгоценность и святилище целомудрия остается непознанным и вход в эту небесную добродетель непроницаемым –

Посреди наполненного благовониями забвения увидела я то ребро и вскричала, полная восторженного жадного присвоения: «Это кость от кости моей²⁴ и плоть от плоти моей».

Как вставшее^{25XXIX} соединяется со своим источником, он вошел туда, откуда однажды вышел как спаситель тела, и как верный творец в добром деле, закрыл полость плотью, чтобы заполнить далее древнейший *maculatur* человеческого рода^{XXXI}.

Да, обещаю вам через год в этот день, зевающие мечтательно новобрачные! Конец моей сказки, не скрывая, однако, посредством поздравительного постскриптума²⁶ отличительный признак своего пола. Вы, должно быть, хорошо угадаете *à priori*, что весь мой очерк есть не что иное как суждение блуждающих огоньков, выловленное из затхлой канавы моих окрестных лугов^{XXXII}.

Когда показной суд выловленных блуждающих огоньков, танцующих подобно вечерним звездочкам, будет усвоен и переварен как *galimafrée*^{27XXXIII}, тогда муза моя не будет уже Сивиллой, посвящающей свой образ Медузы лону Минервы!

– *ni docta comes tenuis sine corpore vitas*
Admoneat volitare cava sub imagine formae^{XXXIV}.

Примечания

^I Шунхофен [Hamann, 1962, p. 139] видит здесь посвящение Катарине Беренс: отношения Гамана с ней теперь исключительно «платонические», поэтому она не должна бояться, даже если темой трактата будет сексуальность. Диксон предлагает другие интерпретации, отождествляя духа с Богом как любовником и творцом, а адресата с возлюбленной, либо понимая под этим прорицания Сивиллы в Эннеаде, цитаты из которой даются в начале и конце очерка [Dickson, 1995, p. 512]. Я полагаю, что первое объяснение Диксона можно слегка скорректировать: Гаман намекает здесь на то, что в сексуальных отношениях участвуют не двое, но трое, есть вовлеченность Бога («как дух»), поэтому не надо бояться, но, в конце концов, довериться и раскрепоститься. Эту мысль далее Гаман разовьет в трактате.

^{II} Хотя, как отмечает Диксон [Dickson, 1995, p. 512], глагол *carpo* значит не только рвать, но также наслаждаться, усматривание такого второго смысла здесь необязательно. Скорее это повторение на другой лад предыдущего эпитафия: не надо бояться того, кто приходит к тебе с ликом сильного. См. далее использование *communicatio idiomatum* (общения свойств) в сказке Сивиллы.

^{III} – Вместо сорванной вмиг вырастает другая,
Золотом тем же на ней горят звенящие листья.
Взглядом кроны дерев обыщи и ветвь золотую
Рви безоружной рукой ---- (Вергилий, Эннеада 6, 143-147)

²⁴ Перевод Михаэлиса^{XXVIII}.

²⁵ Ин. 3:31; Еккл. 1:7; 3:20; Ин. 8:14; 1 Пет. 4:19. Михаэлис и Лютер^{XXX}.

²⁶ См.: «О браке».

²⁷ Напечатанная здесь пьеса из сходной свадьбы Хинца.

^{IV} Трактат написан от лица Сивиллы. Во-первых, здесь важна гендерная составляющая, потому что для Гамана важно, что познание осуществляется через познанность, т. е. познание другим. Во-вторых, «апроприация» образа Сивиллы популярной христианской мыслью первых веков хорошо известна: достаточно вспомнить Книгу 8 Сивилловых пророчеств. В этом смысле Гаман не был первопроходцем, но опирался на давнюю традицию. В-третьих, существенно то, что повествование ведется от имени пророчицы классической эпохи. Итальянский комментатор А. Пупи упоминает сократическую иронию в связи с сокрытостью и таинственностью, свойственными Гаману [Pupi, 2002, p. 75]. В-четвертых, Гаман показывает, что теме сексуальных отношений присуща таинственность, загадочность; чрезмерная рационализация брачных отношений составляет предмет его критики.

^V Слияние языческих и иудеохристианских мотивов – в данном случае образа Купидона из античной популярной религии и повествования о сотворении человека в Быт. 1:26 – характерно для Гамана, начиная с его дебютного произведения «Сократические достопамятности» 1759 г.

^{VI} Здесь указание на то, что первая попытка людей произвести человека привела к рождению Каина, который стал братоубийцей (Быт. 4:1, 8). За несколько лет до написания очерка Гаман выучил древнееврейский, поэтому, опираясь на выкладки Михаэлиса, он хорошо понимает, что на иврите глагол «знать» означает не только когнитивное знание, но и сексуальное познание. Знать что-то или кого-то значит иметь связь, вступать в интимные отношения с объектом познания. Темы сексуального познания (Адам познал (אָדָם יָדָעַתְּ אִשָּׁה) Еву в соитии с ней), рождения и вызванного грехопадением смерти здесь пересекаются, что в некотором смысле предвосхищает проблематику антагонизма Эроса и Танатоса во фрейдизме. Что же касается подхода самого Гамана, триада «самопознание – незнание – познанность», выпукло показанная еще в дебютном сочинении «Сократические достопамятности», многочисленные аллюзии на которую имеются и в настоящем труде, позволяет утверждать, что именно характер сексуального познания был основополагающим для эпистемологии Гамана. Ср. замечание Бетца: «Истинное познание необходимо включает творческий, эротический либо экстатический компонент, и без него никакая эпистемология, метафизика или эстетика не может быть плодоносной» [Betz, 2009, p. 182].

^{VII} Здесь игра слов в связи с тем, что было сказано ранее: человек – бог (Август), в то же время глагольная форма *augeo* значит приумножать, оплодотворять, увеличиваться, что еще более явно проступает в немецкой версии формулы *semper Augustus* “*allzeit Mehrer des Reiches*”, которая использовалась в Священной Римской Империи. Бог – творец, поэтому человек им создан для того, чтобы «плодиться и размножаться», т. е. осуществлять акт божественного творения посредством сексуальных отношений.

^{VIII} Один из типичных случаев гамановской иронии и своеобразного использования им принципа *coincidentia oppositorum*, имевшего ключевое значение для Гамана. В текстах Гамана сакральное соседствует с профанным, возвышенное – с тривиальным. Божество – видимое хозяйство: здесь имеется в виду как изначальное пребывание человека в нагом и первозданном виде, так и последующее воплощение.

^{IX} Здесь явные отсылки к очерку Гиппеля с одноименным названием. Гиппель называл брак «консенсуальным договором» (*consensueller Contract*).

^X ἀρπαγμός (грабеж) – важнейшее понятие для Гамана в этом трактате. В самом христологическом тексте (Фил. 2:6) о Христе сказано, что «он, будучи образом Божиим, не почитал хищением (ἀρπαγμόν) быть равным Богу». В отличие от совершенного Христа,

совершивший грехопадение Адам (и любой его потомок кроме самого Христа) совершил именно «грабеж», попытавшись поставить себя на место Бога, но вместо этого обокрав себя самого. Последствием грехопадения явился стыд, о котором Гаман говорит в следующем предложении. В отличие от распространенной точки зрения, Гаман понимает грехопадение не как телесное соитие, но как попытку уйти от предназначенных Богом для человека изначально сексуальных отношений, как желание реализовать себя, свою сексуальность каким-то альтернативным способом, стремление преодолеть вложенные в человеческую природу страсти и выйти в сферу чистого разума. В этом смысле для Гамана как Кант, так и пиетисты, несмотря на то, что стояли на, казалось бы, противоположных позициях, попадали в один лагерь, в котором во главу угла ставился чистый разум или чистый дух, а чувственновоспринимаемое полагалось ущербным. Уместно в этой связи замечание Диксона: «Напрагмос, выраженный в идее грехопадения и первородного греха, представляет собой желание уподобиться Богу “классического философского теизма”: всемогущему, одинокому, обладающему безучастностью, бестелесному, лишенному страстей» [Dickson, 1995, p. 270].

^{XI} Эти три группы не испытывают стыда перед наготой. Возможно, здесь присутствуют отголоски «благородного дикаря» Руссо, неиспорченного цивилизацией. Руссо наряду с Гаманом стоял у истоков литературного движения «Буря и натиск» (Sturm und Drang), отказавшегося от выхолощенного рационализма Просвещения.

^{XII} Здесь апологетика выбора Гамана: он представляет свой «брак по совести» как вызов буржуазной морали, далеко ушедшей от христианского идеала.

^{XIII} Злодейства полный, век осквернил сперва

Святыню брака, род и семью; затем,

Отсюда исходя, потоком

Хлынули беды в отчизну римлян (Гораций, Оды III.6)

^{XIV} Так у Гамана, который сознательно оставил кальку с греческого языка, не переводя слово из Рим. 1:26 на идиоматический немецкий: «Предал их Бог постыдным страстям: женщины их заменили естественное употребление противоестественным». Американский гамановед второй половины XX в. В. М. Александер полагает, что для Гамана сексуальность – это именно отношения между мужчиной и женщиной, а любое другое удовлетворение сексуального желания скорее «парасексуальность» (в трактовке Александера) [Alexander, 1979, p. 91]. «Естественная разница между полами есть *verum signaculum Creatoris*», – говорит Гаман [Hamann 1951 b, p. 212]. «Гендерная» претензия Гамана к просветителям прослеживается с самого начала его литературной деятельности. Согласно его представлению, их абстрактный разум бесплоден, потому что отказывается быть оплодотворенным божественным откровением, но вместо этого сразу пытается присвоить себе мужскую творящую роль, совершая тот самый *ἀρπαγμός* – хищение.

^{XV} В этой ссылке на Еф. 5:23 Гаман подчеркивает творящую роль супружеских отношений. Проводя аналогию между мужем и Христом, он показывает, что в союзе и единении с мужем женщина раскрывает собственную природу и предназначение, которое заключается в том, чтобы породить новую жизнь.

^{XVI} Бог и покровитель брака в древнегреческой мифологии. Функциональное отождествление Гименея и Яхве вызывает в памяти аналогию Эрота (Купидона) и Бога (Быт. 1:26) в начале очерка: смысл в том, что Гаман рассматривает Бога как творца, осуществляющего акт творения через человеческие сексуальные отношения.

^{xvii} Быт. 2:21. В оригинале, на котором Гаман читал Библию, использовано необычное слово *הַרְדָּמָה* (в LXX – *ἔκστασις*), что можно понять как пребывание в состоянии транса или экстаза («глубокий сон» в синодальном переводе). Гаман ссылается на то, что происхождение секса связано с подсознательной жизнью человека. Страсти внерациональны и не подлежат суду разума.

^{xviii} «Очерк о женщине» Уилкса был напечатан в «Северном британце» под номером 45; именно таков был возраст Гамана в момент написания его теста.

^{xix} Гиппель.

^{xx} Женский образ древнегреческой мифологии, связанный с элевсинскими мистериями. Баубо изображалась как персонификация вульвы и олицетворяла женскую сексуальность.

^{xxi} Жан-Батист Жозеф Виллар Грекут (1683–1743) – французский поэт, снискавший славу как автор бурлесков, эпиграмм, фривольных стихов.

^{xxii} Барби – городок на Эльбе. Гернгутеры основали здесь колонию в 1749 г. и открыли там училище для распространения своих идей. Гаман ссылается здесь на их сексуальную этику, которая подразумевала сублимацию сексуального чувства, перенос его в духовную сферу.

^{xxiii} Церера – богиня плодородия. Бог подземного царства Плутон («богатый») похитил ее дочь Прозерпину и на ней женился, Церера поселилась у входа в Тартар, чтобы иметь возможность с ней видаться. В последнем абзаце Гаман показывает, что попытка реализации сексуальности вне теологического аспекта приводит к отчаянию: в рамках гамановской триады «самопознание – незнание – познанность», раскрытой в его «Сократических достопамятностях» 1759 г., здесь именно вторая часть; познание невозможно вне третьей и заключительной части – познанности другим.

^{xxiv} Часть теологическо-философской концепции Гамана о том, как Бог действует *sub contrario* (через противоположное): тема секса здесь как нельзя лучше иллюстрирует данное положение. Вещи не таковы, какими кажутся. Любовник на расстоянии выглядит чужим и пугает: акт познания (в данном случае сексуального познания) невозможен без отношений с ним.

^{xxv} Согласно Гаману, развитие сексуальных отношений не лишено некоторого кризиса. «В нем я начала познавать полушарие своего пола *in naturalibus*»: одно из центральных утверждений очерка. Здесь это аналогично тому, что в других текстах Гаман обозначает как спускание в сократический «ад» самопознания. Сивилла открывает в себе собственную сексуальность, это происходит даже помимо ее воли и вопреки ее первоначальным насмешкам, но на этом этапе такое открытие приносит скорее мучение. При этом для Гамана, как уже было отмечено, само по себе познание есть в первую очередь познание именно сексуальное. Как он пишет Гердеру: «*Pudenda* поражает меня как единственная связь между творением и Творцом» (Hamann, 1958, p. 113).

^{xxvi} «Кризис, вызванный сексуальным «самопознанием», знаменует собой поворотный момент, который, следуя знаменитому изречению Канта, можно охарактеризовать как выход из самореференции. Через болезненное осознание телесного и в то же время экзистенциального несовершенства ощущается освобождающий эффект взаимного потворства своим слабостям, который искупает это несовершенство, причем следует отметить, что Гаман рассказывает об этом опыте в контексте истории соблазнения и стилизует это соответственно» [Fritsch, 1999, p. 287]. В данном отрывке мы также видим

типичный пример гамановского подхода к *communicatio idiomatum*, в рамках которого темы христологии и человеческой сексуальности сводятся воедино. Внешне мужчина груб («грубая сторона ... шкуры»), но внутри нежен. Вещи не таковы, какими кажутся на первый взгляд.

^{xxvii} Едкая критика политического государственного института Пруссии и семейного кодекса Фридриха II. Сам Фридрих, женившийся в раннем возрасте помимо своей воли, жил с законной супругой порознь (в Сан-Суси даже не было спальни королевы, а только комнаты для гостей) и не имел наследников. Однако Гаман не противопоставляет иррациональный эротизм правовой системе отношений как таковой, как следовало бы из трактовки Исайи Берлина, скорее он расставляет приоритеты таким образом, что любовь (и сексуальные отношения как устроенные Богом) оказывается на более высоком уровне, чем буржуазные социальные условности [см. также: Sparling, 2011, pp. 201-207].

^{xxviii} Эрегированный фаллос. Игра слов: эрекция необходима, чтобы «восстал», т. е., родился новый человек. Согласно интерпретации Диксона [Dickson, 1995, p. 266], эрекция в представлении Гамана – не признак грехопадения как бунт против Бога и разума (как считал Августин), но способ вхождения в Троицу, в которой не только двое, но трое суть одно. Еще в программном сочинении 1962 г. *Aesthetica in nuce* Гаман реабилитировал страсти: «Если страсти (*Leidenschaften*) являются орудием бесчестья и неправды, то почему они не перестают быть орудиями детопроизводства» [Hamann, 1950, p. 208]. Ср. трактовку Августина в *De Genesi ad litteram* 11.31: «Как только они нарушили заповедь, ... они впились глазами в собственные члены и страстно возжелали их с движением, которого не знали прежде (*eaque motu eo quem non poterant, concupiverunt*)».

^{xxix} Имеется в виду востоковед и теолог Иоганн Давид Михаэлис (1717–1791), переводчик и толкователь Ветхого Завета, ординарный профессор Гёттингенского университета и знаменитый в Европе преподаватель семитских языков. Гаман использует его перевод Быт. 2:23.

^{xxx} Гаман опирается на переводы Библии Лютера и Михаэлиса, создавая сложную полисемантическую конструкцию. «Вставшее» в основном тексте переводит *Gemächte*. В приводимых в заметках Гамана ссылках подразумевается пришествие с небес и восшествие на небеса Бога Сына, цикл рождения и смерти, круговорот веществ в природе, но также соучастие человека с Богом в деле творения людей. См. также следующее примечание.

^{xxxi} Точная интерпретация слова *maculatur* затруднительна; Шунхофен и Диксон предлагают разные варианты (на данный момент я не могу склониться к определенной точке зрения). Но общий смысл все же ясен. Гаман связывает происхождение секса и сексуальных отношений с изначальным актом творения Бога. Полость, образованная на месте ребра (ребро здесь – фаллический образ) требует дальнейшего заполнения, что приводит к «приумножению человеческого рода», в рамках чего человек уподобляется Богу в том, что творит человека из человека же. Не меньшее место здесь занимает и образ вагины («источник», «туда, откуда вышел»). Наряду с этим здесь явная отсылка к боговоплощению, а также к отождествлению любовника с Христом («спаситель тела») что, очевидно, скандализировало отдельных благочестивых читателей Гамана.

^{xxxii} Гаман ссылается здесь на конкретную канаву, что была у его дома. Такие неожиданные экскурсы в самые бытовые нюансы повседневной жизни – часть его стиля (и еще один случай принципа *coincidentia oppositorum* в его изводе). Тем не менее, здесь может быть еще указание на то, что сам человек в терминах «ягвистского» нарратива сотворен из праха или пыли (а не только словом, как все остальные творения).

^{xxxiii} Галимафре – сваренное с водой, солью и перцем рагу из остатков белого либо тёмного мяса. В переносном смысле фр. *galimafrée* означает путаницу, сбивчивую речь. Гаман ссылается здесь на сборник стихов о браке, изданных его приятелем Хинцем, который также издавал его французские сочинения [Hamann, 1962, p. 162].

^{xxxiv} – не напомни ему многомудрая дева, что этот

Рой бестелесных теней сохраняет лишь видимость жизни.

(Вергилий, Энеида 6, 292-293)

Список литературы / References

Гильманов, В. Х. (2003). *Герменевтика «образа» И. Г. Гамана и Просвещение*. Калининград.

Gilmanov, V. Kh. (2003). *J. G. Hamann's Hermeneutics of the «Type» and the Enlightenment*. Kaliningrad. (In Russ.)

Alexander, W. M. (1979). Gnosticism and Hamann's Interpretation of Human Sexuality. In *Johann Georg Hamann. Acta des Internationalen Hamann-Colloquiums in Lüneburg 1976*. Frankfurt am Mein. Pp. 85-92.

Bayer, O. (1988). *Zeitgenosse im Widerspruch. Johann Georg Hamann als radikaler Aufklärer*. München, Zürich.

Betz, J. (2009). *After Enlightenment: The Post-Secular Vision of J.G. Hamann*. Oxford.

Dickson, G. G. (1995). *Johann Georg Hamann's Relational Metacriticism*. Berlin, New York.

Fritsch, F. (1999). *Communicatio idiomatum: zur Bedeutung einer christologischen Bestimmung für das Denken Johann Georg Hamanns*. Berlin.

Hamann, J. G. (1775). Versuch einer Sibylle über die Ehe. [Online]. *Universität Münster*. Available at: <https://sammlungen.ulb.uni-muenster.de/hd/content/pageview/4603205> (Accessed: 20 May 2020).

Hamann, J. G. (1950). Aesthetica in nuce. In *Sämtliche Werke. Historisch-kritische Ausgabe von J. Nadler. Bd. 2. Schriften über Philosophie, Philologie, Kritik: 1758-1763*, 2.195-217. Wien. Pp. 195-217.

Hamann, J. G. (1951 a). Versuch einer Sibylle über die Ehe. In *Sämtliche Werke. Historisch-kritischen Ausgabe von J. Nadler. Bd. 3. Schriften über Sprache, Mysterien, Vernunft: 1772-1788*. Wien. Pp. 197-203.

Hamann, J. G. (1951 b). Schürze von Feigenblättern. In *Sämtliche Werke. Historisch-kritischen Ausgabe von J. Nadler. Bd. 3. Schriften über Sprache, Mysterien, Vernunft: 1772-1788*. Wien. Pp. 205-213.

Hamann, J. G. (1955). *Briefwechsel. Bd. 1.* Ziesemer, W. und Henkel, A. (hrsg.). Wiesbaden. Insel.

Hamann, J. G. (1956). *Briefwechsel. Bd. 2.* Ziesemer, W. und Henkel, A. (hrsg.). Wiesbaden. Insel.

Hamann, J. G. (1957). *Briefwechsel. Bd. 3.* Ziesemer, W. und Henkel, A. (hrsg.). Wiesbaden. Insel.

Hamann, J. G. (1958). *Briefwechsel. Bd. 4.* Ziesemer, W. und Henkel, A. (hrsg.). Wiesbaden. Insel.

Hamann, J. G. (1962). *Johann Georg Hamanns Hauptschriften Erklärt. Bd. 5. Mysterienschriften* (Erklärt von Evert Jansen Schoonhoven). Gütersloh.

Hamann, J. G. (1993). *Londoner schriften.* Bayer, O. und Weissendorn, B. (hrsg.). München.

Nadler, J. (1949). *Johann Georg Hamann 1730-1788: Der Zeuge des Corpus mysticum.* Salzburg.

Pupi, A. (2002). *Johann Georg Hamann. Vol. 4. Origines 1774-1779.* Milano.

Sparling, R. A. (2011). *Johann Georg Hamann and the Enlightenment Project.* Toronto.

Сведения об авторе / Information about the author

Стрельцов Алексей Михайлович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: streltsov@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1116-1884>

Статья поступила в редакцию: 15.10.2024

После доработки: 25.11.2024

Принята к публикации: 02.12.2024

Streltsov Alexey – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Officer of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: streltsov@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1116-1884>

The paper was submitted: 15.10.2024

Received after reworking: 25.11.2024

Accepted for publication: 02.12.2024